

С необычайно талантливым нашим земляком связано понятие Шукшин-художник. Под ним подразумевается органическое триединство равновеликих талантов, дополняющих друг друга: прекрасный писатель, прирождённый актёр, удивительный режиссёр. Мне же обязательно – в год 90-летия Шукшина – хочется добавить к привычному перечню различных сторон его деятельности ещё одно приращение, ещё одну ипостась: Шукшин – выдающийся человек. Сама личность Шукшина привлекает моё внимание, так как всё дальше в прошлое, в историю российской культуры уходит он сам и его богатое творческое наследие: 45 лет прошло со дня Успения Василия Макаровича. За прошедшие после Шукшина десятилетия богатство его личности ощущается ещё ярче. Для наших дней и для меня лично Шукшин уже не человек, «одарённый печатью гения», а страдалец, глубоко переживающий за простой народ, за Россию. По нынешним временам, не человек, а Человечище!

Надо громко говорить не только о неделимости его профессиональных качеств, но и о качествах человеческих, так как В.М. Шукшин – незаурядное явление не только художественного, но и жизненного порядка. Главным в его многогранном творчестве был он сам, его «я», его самобытная, самостоятельная личность. «Штучная» и уникальная. В конце второго десятилетия XXI века для меня, например, именно эта ипостась – Шукшин – выдающийся человек и – представляется тем организующим центром, познанию которого должно быть отдано первенство. Чтобы внимательнее присмотреться к нему, надо со стороны на себя поглядеть и попробовать ответить на поставленный им вопрос «что с нами происходит»? Известный английский писатель Сомерсет Моэм сказал, что самый большой недостаток – не иметь недостатков вовсе. Ангелом в повседневной жизни Василий Макарович не был; случались срывы. В его жизни хватало и одобрения, и неприятия, и побед, и поражений, и он, естественно, был человеком «со всячинкой», но не в этом суть. Главное, что его стержень, выкованный по примеру добрых людей в детские, совпавшие с войной, трудные годы, оставался неизменным.

Самое характерное в людях – это непоследовательность. Цельных личностей я встречала крайне редко. Меня всегда поражало, какие, казалось бы, несовместимые черты уживаются в человеке и даже производят в совокупности впечатление гармонии. А Василий Макарович приблизился в моём представлении к «идеальному» человеку, так как умел совмещать слово и дело. Приведу примеры для подтверждения высказывания. Первый – случай, который рассказал режиссёр Глеб Панфилов. Он произошёл в ноябре 1970 года во время посещения советской делегацией кинофестиваля в Париже. Тогда во Франции прошли премьеры

панфиловской картины «Начало» и шукшинской «Странные люди». После просмотра фильмов Шукшина и Панфилова повезли в недорогой ресторан, где обычно собиралась молодёжь. Василий Макарович, как пишет Глеб Анатольевич, был «в бороде Степана Разина, в кепочке масового пошива и в плаще неизвестного происхождения». В этом ресторанчике им было «легко и весело. Так легко и так весело, что мы сначала не поняли, чего от нас хочет старичок-гардеробщик. Наконец поняли по запаху, вернее, догадались – горел Васин плащ. Хозяева тут же предложили Васе взамен дорогую дублёнку, а мы искренне завидовали и горевали, что не наши пальтишки горели. А он – ни за что. Что я, нищий, говорит, воротник подверну и буду ходить». Ну, прямо по В. Маяковскому: «у советских собственная гордость»! С прогоревшим воротником Шукшин и улетел в Москву из полюбившейся ему Франции.

Случай второй. Его я узнала из заметки В. Дроботова «Простая философия». Вся съёмочная группа фильма «Они сражались за родину» в 1974 году была приглашена на рыбзавод, где «вялилась и коптилась дефицитная местная рыба». Как говорится, встреча прошла в тёплой дружеской обстановке. На прощание гостям вручили свёртки-подарки с деликатесами, которые смертным не снились, и участники съёмки за презенты были администрации завода премного благодарны. Но нашёлся один, который от дорогого подарка отказался. Дроботов пишет: «Шукшин чисто по-деревенски мотнул головой, будто боднулся, обронил: «Нет, извините», – и пошёл со двора рыбзавода, как под тяжестью, опустив плечи».

В обоих случаях наш знаменитый земляк повёл себя не как все. Ну, по крайней мере, не так как подавляющее большинство. Уже эти «непрактичные» в широком смысле «жесты» Василия Макаровича говорят о нём как о – «нетрафаретном» человеке. Он нравственно отвечал за свои поступки, и это было его особенное свойство. Постоянно «смотрел на себя со стороны»; анализировал, препарировал то, как он действует, что думает и чувствует. Мы любим его героев за их нестандартные поступки, и в этом заслуга автора, который сам поступал не так, как привычно, а как велела совесть. Вопросам нравственности он придавал огромное значение. Так уж случилось, что у Шукшина притягательный кинематографический образ, таинственный и возвышенный, романтический и неизбежно идеализированный, и личность Артиста, Писателя – совпали, оказалось, что это одно и то же.

В России всегда нравственный облик писателя определялся не только этическим содержанием его произведений, но и жизненным поведением, конкретными поступками. Это Василий Макарович чувствовал очень хорошо и не позволял себе «отрыва» от народа. Чтобы читателю данной статьи острее и глубже понять, из какого большого и щедрого сердца рождалось шукшинское творчество, каким интеллигентным человеком он был, приведу пример ещё одного, третьего урока нравственности, которая только и понималась Шукшиным как правда. Этот урок тоже, несомненно, подтвердит актуальность приращения к известным ипостасям выдающегося сына Алтая.

Как известно, у «звёзд» своя жизнь, они редко снисходят до наших земных горестей и радостей. Никому ещё не удавалось достать с неба

звезду, любуйтесь себе издалека, так уж устроен мир. У них всё по графику, всё расписано на много месяцев вперёд. И мы все тяжелы на подъём: не спешим на зов помощи кому-то, в ней нуждающемуся, и зов-то этот иногда перестаём слышать. Оправдываем себя занятостью, заботами, семьёй. И тут есть чему у Шукшина поучиться. Человек сверхзанятый, нашёл время, чтобы из Москвы в Бийск написать благодарственное письмо и открытку не знакомой ему женщине, моей маме, Форнель Людмиле Сергеевне (1918-2002) – лечащему врачу его матери. Это поступок любящего сына, благодарного мужчины. Человека с большой буквы. В статье «О творчестве Василия Белова» Шукшин пишет: «...откуда у писателя запас добрых сил? От людей же... И людям же и отдаётся». Как это справедливо!

Привожу тексты письма и открытки с тем, чтобы ещё раз попытаться прибавить «частные» штрихи к многогранному облику Шукшина, ещё не маститому, но уже определившему дорогу в жизни и уверенно идущему по ней. Письмо. *«Уважаемая Людмила Сергеевна! Позвольте мне от моего семейства, всех родных Марии Сергеевны Куксиной – матери нашей и бабушки – сказать Вам сердечное спасибо. Судя по тону писем матери, ей значительно лучше. И во многом – от Вашей доброты и внимания. Спасибо! По себе знаю (много лежал в госпиталях и больницах), сколь много значит самая горячая признательность врачу – после всех пичканий лекарствами и надоевших стен палаты – из уст больного это, должно быть, самая дорогая человеческая благодарность. Позвольте, присоединиться в данном случае к словам нашей матери: дай Вам самой бог здоровья. С глубоким уважением Вас. Шукшин»*. И почтовая карточка, на ней тоже красными чернилами написан текст – продолжение письма: *«Дорогая Людмила Сергеевна! Горячо, от всего сердца поздравляем Вас и родных Вам женщин с праздником 8 марта. Желаем Вам долгих лет жизни и здоровья на радость и здоровье многих и многих благодарных людей. Шукшин и семейство»*. На обратной стороне карточки трогательная приписка – дополнение: *«Людмила Сергеевна, открытка послана не почтой, потому что наша мама и бабушка пользуется своей самостоятельной грамматикой – я побоялся исказить фамилию. Пожалуйста, извините. В.Шукшин»*.

Надо полагать, что Мария Сергеевна сообщила в письме сыну о своём хорошем лечащем и заботливом враче и о том, что здоровье у неё заметно улучшилось. Искренность, сердечность, взволнованность Шукшина состоянием здоровья своей мамы тронули и согрели её доктора.

В тот день, когда моя мама получила поздравление, она как будто помолодела, была оживлённой и всё восхищалась щедростью сердца Василия Макаровича. «Как он любит свою мать! За эту любовь, за силу этой привязанности к Марии Сергеевне и я его люблю!» – сказала она. И сейчас чувствуется, что в расцвете зрелых сил, дружелюбный 37-летний Шукшин не растерял свежести чувств, не утратил живого характера, чистого сердца. Сын очень переживает за здоровье самого близкого ему человека. А когда у людей тревога, они больше обычного хотят от других доброты и участия, больше их ценят. Василий Макарович эту доброту и участие нашёл в моей маме. Мы нуждаемся в хороших врачах, но и врачи тоже нуждаются в поддержке, внимании, маленьких

радостях. И Шукшин доставляет её, написав благодарность от себя и своей семьи начмеду и врачу-терапевту 1-ой горбольницы Л.С.Форнель.

Моя мама была закрытым человеком, редко выражала свои чувства. Но письмо Василия Макаровича её потрясло и по-настоящему взволновало. Мама была младше Марии Сергеевны на девять лет, но похожие трагические обстоятельства в жизни сделали их отношения дружескими на все оставшиеся земные годы. Мама проводит Марию Сергеевну в январе 1979 года в последний путь.

В статье «Вопросы самому себе» (впервые она опубликована в ноябре 1966 года) Василий Макарович признавался: «Ужасно приятно сделать человеку добро, которое тебе ничего не стоит... Человек благодарен, и тебе хорошо. Не круглые же сутки грызть себя, иногда для отдыха – надо и подумать, что ты, вообще-то, не такой уж плохой человек». Это как раз наш случай. Весной 1967 года Шукшин сделал моей маме подарок к Восьмому марта, не забыв указать, что поздравляет с праздником и «близких ей женщин», следовательно, и меня в том числе! Действовал он, конечно же, бескорыстно, без малейшего намёка на самодовольство, без всякой позы, претенциозности, фиглярства. Просто требовало сердце сказать добрые слова заслужившему это человеку. Весточки от Шукшина пришли как внезапная радость и воспринимались мамой и мной как совершенная невозможность. Волшебный подарок.

Василий Макарович – один из немногих, кто выдержал самое трудное, самое коварное испытание – славой. Он – личность большого содержания, огромного духовного богатства.

К сожалению, в сегодняшней России понятия «добро – зло», «хорошо – плохо» размылись, перепутались. У молодёжи ясно просматривается обнищание духовного багажа. И вытеснение духовности продолжается. Мир деградирует. Инсталляции сменили живопись, Чайковского и Рахманинова подменили мюзиклы. Искусство стало насквозь коммерциализированным, то есть направленным только на получение прибыли. Более того, оно к подлинному искусству-то нередко не имеет никакого отношения.

Мы живём в облегчённом мире. Человек покупает «мыльницу» и уверенно заявляет: «Я – фотограф. Приходите на выставку моих работ». Сказал «мяу» и уже – «звезда». Помельчала и литература, она ушла на задворки общественной жизни, не играет какой-либо значимой роли. Народ разучился читать книги, а писатели перестали быть авторитетами, чувствуют себя маргиналами. «Властителей дум» больше нет. Уровень писательского мастерства много ниже, чем в советское время. Вот частичный ответ на шукшинский вопрос: что с нами происходит?

«Великие» частенько на поверку оказываются гномами, и истинная высота духа подменяется дутым высокомерием. Алмаз в мире кино, театра легко заменяется простой стекляшкой. Отсюда нередко разочарования в кумирах, много «погасших звёзд». Другие времена, другие нравы. И эти нравы с упоением и цинизмом демонстрируют основные каналы ТВ. Внимание телезрителей приковывают к пикантным деталям закулисной роскошной жизни медийных персон. Они же с удовольствием показывают интерьер своих квартир, дач, хвалятся своими

спальнями, ванными комнатами, даже туалетами, среди которых встречаются и золотые. Или показывают родственников какой-то знаменитости, устроивших свару из-за дележа наследства. Простым зрителям, в ком сохранилась совесть, непонятны действия потомков, выносящих «семейный сор» на всеобщее обозрение. Подобные передачи не обогащают нас, а убивают остатки духовного. Отсутствие любви, доброты, чуткости, жестокость и бездушные характеризуют многих из участников сегодняшних популярных ТВ-программ. Ничего, как правило, не заработав своим трудом, родственники знаменитостей боятся что-либо упустить из того, что ещё осталось. Сказать о движениях своей души, о творческих планах потомкам известных людей и нынешним кумирам, как правило, нечего. Русский мир, важными чертами которого исторически были чувства стыда и совесть (так, по крайней мере, представляли дело наши классики), всё более теряет свои нравственные очертания. Но скромные и интеллигентные звёзды кино и телевидения были (мы хорошо помним это), есть они и сейчас. Надеемся, ещё и будут.

Демонстрация роскоши в России всегда считалась (и считается) дурным тоном. Откровенный и надоевший показ своего богатства группой близких к огромным деньгам людей имеет негативное значение. В стране на наших глазах происходит то, что социологи называли патриотическим выгоранием. У многих людей исчезает ощущение своей страны, мы начинаем себя чувствовать как иностранцы. Показатели социального самочувствия людей идут вниз. Удивительно, как просто некоторые наши руководители страны объясняют происходящее.

Например, зампред Центробанка С.Швецов недавно назвал русские народные сказки как причину бедности россиян. Он уверен, что сказки про золотую рыбку, про щуку, исполняющую любые желания, исподволь формируют у детей «привычку к халяве» и мешают формированию их финансовой грамотности. Чиновник на полном серьёзе предложил «поменять» наш многовековой фольклор и представить его в виде, который ему представляется верным. Грустно и обидно становится от уровня профессионализма и нравственности наших горе-чиновников и банкиров. Получается, что у нашего народа не те сказки, не та культура, не тот менталитет.

В.М. Шукшин завещал не отдавать наши ценности за понюх табаку, но мы многое уже отдали, продолжаем отдавать, а теперь их у нас просто отбирают. Чувствую постоянную вину перед Василием Макаровичем: не исполнили его завещания, предали его, как когда-то предали богатые казаки Стеньку Разина. Вот что с нами сегодня происходит.

Все эти невесёлые мысли «подсказал» мне Шукшин, который для многих русских людей – блюститель нравственности не только в 60-70-ые годы прошлого века, но и художник, который до сих пор остался на страже человеческого в человеке. Его жизнь и творчество по шкале общечеловеческих ценностей и в будущем может служить примером, достойным подражания. Современникам и потомкам он оставил модель поведения в обществе. Мы должны сохранять свои традиции, придерживаться их. Главное – уметь сохранять, а не разрушать. И молодёжь учить не только профессиональному мастерству, но и быть личностями. Быть людьми.